

ПЕРМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕРВЫЕ СТО ЛЕТ

ПЕРВЫЙ ТОМ

Узлы университетской истории

1941

Война

Новым вызовом для университета, как и для всей страны, стала война — Великая Отечественная. «Мы были уверены в неотвратимости войны, и все же она началась неожиданно», — таким было ощущение профессора И. И. Лапкина от произошедшего 22 июня.

На следующий день в университетском клубе прошел митинг. В принятой резолюции преподаватели, сотрудники и студенты в едином порыве заверили «Советское правительство, большевистскую партию, что отдадим все силы, чтобы помочь доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии разгромить врага».

Не дожидаясь мобилизации, многие участники митинга вслед за ректором А. И. Букиревым записались добровольцами. В заявлениях в Кагановический (ныне — Дзержинский) райвоенкомат г. Молотова (такое название носил наш город с 1940 по 1957 г.) они указывали на искреннее стремление помочь своей Родине в тяжелое время: «Прошу направить меня в действующие части РККА. Хочу приложить все

свои силы и знания для разгрома зарвавшихся бандитов» (аспирант биологического факультета А. Г. Овсянников, погиб в 1943 г.); «В грозный час, когда коварный фашизм напал на нашу Родину, прошу послать меня на фронт» (ассистент кафедры исторической геологии Д. Д. Дегтярев). В числе первых добровольцев были и секретарь партбюро П. К. Попов, и заведующий кафедрой К. С. Бочкарев, и доцент А. А. Генкель (погиб в 1942 г.), и ассистент А. В. Костин (погиб в 1944 г.), и столяр Е. И. Калинин (погиб в 1942 г.), и шофер Н. Н. Алебастров (погиб в 1943 г.), и студенты Г. П. Глушенко (погиб в 1944 г.), П. М. Пиндюра (погиб в 1942), А. Г. Сбитнев (погиб в 1943 г.). За годы войны ушли на фронт 30 научных сотрудников и более 400 студентов университета. Каждый десятый погиб в бою или умер от ран в госпиталях.

Со студенческой скамьи попал в действующую армию третьекурсник биологического факультета Валерий Рылов. Он был отличником, с честью выступал на всех спортивных соревнованиях, участвовал в постановках

В. Д. Рылов

*Выпускная фотография студентов геофака.
1941 год*

драматического кружка, играл на скрипке в джазе. Организованный им на факультете шуточный ансамбль «Я и восемь девок» имел шумный успех. А его фронтовая специальность была связист. 24 июня 1944 г. при форсировании Западной Двины гвардии старший сержант В. Д. Рылов, как следует из наградного листа, «первым с телефонным аппаратом под сильным огнем противника вплавь переправился на левый берег реки. <...> Невзирая на исключительную сложность боевой обстановки и ожесточенность огня противника, беззаветно преданный Родине герой-связист, не щадя своей жизни, под разрывами снарядов искал и исправлял порывы телефонной линии». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 г. «за героизм при прорыве обороны противника и при форсировании реки Западная Двина» ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Но Валерий об этом не узнал. Он погиб при защите одной из безымянных высот в Литве. За четыре месяца до своей гибели Валерий писал сестре:

«Ты мне пишешь так, как будто я один воюю. Это, конечно, неплохо — «семейный патриотизм», но ведь, дорогая сестренка, нас здесь много, и каждый вкладывает то небольшое, что он может дать в общее дело победы. <...> Бывает и трудно, и сносно — с этим считаться не приходится: чем быстрее закончим, тем лучше. А сейчас наше дело гвардейское — ломать немецкую оборону, чтобы «тотальные» колбасники бежали вон. Думаем дойти до Шпрее, раздавим фашистскую гадину в ее берлоге».

Биологи на военной подготовке

Звания Героя Советского Союза посмертно были удостоены выпускники университета: математик Л. К. Ерофеевских, геолог Г. Ф. Ожмегов. Отдали свою жизнь в боях за Родину заведующий кафедрой высшей алгебры И. А. Грушко, ассистент кафедры физики С. Г. Глазырин, ассистент кафедры минералогии и петрографии М. Г. Корякин, ассистент кафедры физиологии животных В. Е. Павский, аспирант биологического факультета В. Г. Котлячков, старший лаборант кафедры экспериментальной физики И. Ф. Соболев, мастер стекольного дутья на физико-математическом факультете Б. Л. Гремячкин, заведующий столярной мастерской А. Г. Петров, комендант общежития Е. А. Ягодников, студенты М. Е. Ворончихин, Н. П. Губин, П. П. Золотов, М. С. Евстропов, П. Е. Кошечев, В. И. Хлебников, А. В. Цылев.

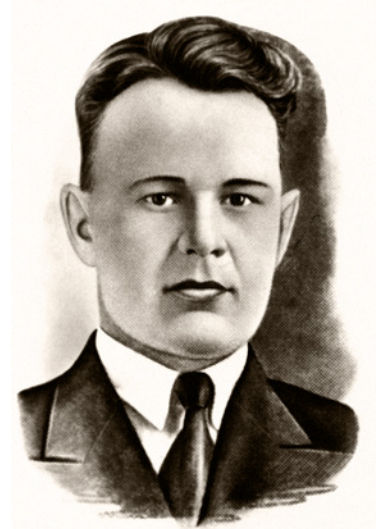
Многие из тех, кто прошел тяжелейшими дорогами войны и выжил, вернулись в родной университет. Так, доцент Б. Н. Бабкин, демобилизованный после тяжелого ранения, уже осенью 1942 г. приступил к занятиям на кафедре высшей математики.

Сотрудник химического факультета В. В. Кузнецов, призванный в ряды армии еще до начала войны, встретив ее 22 июня на западной границе, до июня 1944 г. участвовал в боевых действиях на Западном, Юго-Западном, Сталинградском и 4-м Украинском фронтах в должностях командира топографического взвода, начальника химической службы полка. После ранения он был направлен в пограничные войска на освобожденной территории Крыма. Вернувшись в университет, В. В. Кузнецов защитил кандидатскую и докторскую диссертации, возглавлял кафедру физической химии, был проректором по учебной работе.

Возобновили свою учебную и научную деятельность, прерванную войной, двое других сотрудников химического факультета — Е. Ф. Журавлев и В. П. Живописцев. В. П. Живописцев был призван в армию еще в 1938 г. Будущего ректора университета направили на Дальний Восток, где назревал военный конфликт с Японией, а демобилизовался он в должности начальника химической лаборатории 1-го Дальневосточного фронта, внесшего решающий вклад в разгром Квантунской армии на заключительном этапе Второй мировой войны.

Окончивший три курса геологического отделения Н. П. Старков участвовал в боевых действиях с декабря 1941 г. Всю войну он, разведчик-звукометрист, был на передовой. Главная задача таких разведчиков — вскрытие артиллерийской системы противника, корректирование огня нашей артиллерии. Ратные заслуги Н. П. Старкова Родина оценила высоко, он был награжден орденами Отечественной войны II степени, Александра Невского, Красной Звезды и семью медалями, в том числе «За освобождение Кавказа» и «За освобождение Праги». Демобилизовавшись из армии в 1946 г., Н. П. Старков вернулся в родной университет, обучение в котором завершил в 1948 г. Впоследствии защитил кандидатскую диссертацию и заведовал кафедрой минералогии и петрографии.

Возвратился в университет для завершения образования в звании капитана и географ В. В. Карпов, за плечами которого было более пятидесяти боевых вылетов на штурмовике Ил-2 в качестве стрелка-радиста, а на груди — ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды и еще восемь медалей. С 1948 г. он

Л. К. Ерофеевских

Г. Ф. Ожмегов

В. В. Кузнецов

В. П. Живописцев

работал в Камском бассейновом управлении, а с 1954 г. — в Пермском университете старшим преподавателем кафедры физической географии и многолетним заместителем декана географического факультета.

Наряду с мужчинами тяготы боевой службы несли и студентки университета. В апреле 1942 г., после принятого в марте постановления ЦК ВЛКСМ «О мобилизации девушек в части противовоздушной обороны», сорок студенток ушли добровольцами на фронт, в том числе Р. Абашева, И. Болотова, Л. Гринцевич, А. Дылдина, В. Журавлева, Н. Киселева, Т. Клопина, Л. Коровина, С. Назаровская, П. Оборина, Л. Пономарева, П. Сеницына, Н. Ушакова. О своей военной службе в 22-м зенитно-пулеметном полку, охранявшем небо Москвы, о подругах-однополчанках в 1963 г. рассказали на страницах газеты «Пермский университет» преподаватели кафедры истории КПСС Т. К. Клопина и А. А. Дылдина:

«Они стали воздушными разведчиками, наблюдателями, зенитчиками, пулеметчиками и связистами. Приходилось жить в сырых землянках или палатках, в любой мороз, дождь, ветер, стоять на посту разведчиком-наблюдателем, дежурить у зенитных пулеметов и орудий, восстанавливать связь».

*Девушки-добровольцы.
1942 год*

А. А. Дылдина — зенитчица

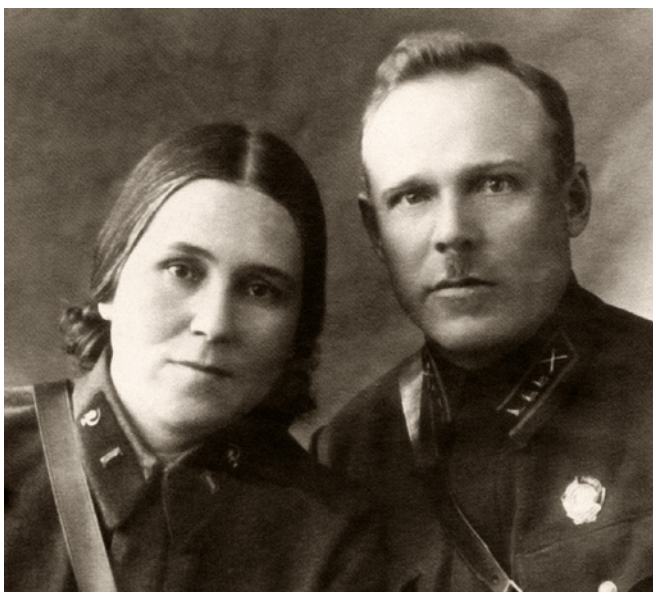

Преподаватель университета А. А. Дылдина вспоминает военные годы и боевых друзей

Всю войну прошел ректор А. И. Букирев. Ему пришлось вспомнить и приумножить свой боевой опыт, полученный в 1939 г. в сражениях на Халхин-Голе. В том году он был призван из университета на очередные военные сборы, но в сложившейся ситуации старший лейтенант запаса был направлен в действующую армию командиром артиллерийской батареи. Награжденный орденом Ленина, по возвращении в университет на расспросы он отвечал: «Ничего героического не сделал, воевал, как положено солдату, защищающему свой дом и друзей». С таким же пониманием своего долга Букирев воевал и в Великую Отечественную. «Я горжусь своим призванием. Артиллерийская специальность позволяет мне уничтожать немецкую погань не по одному, не по два, а десятками, иногда сотнями», — писал Александр Ильич домой. Но даже на войне он оставался ученым, теоретически обобщая опыт применения артиллерии, что нашло выражение в написанных им статьях «Прорыв оборонительных рубежей противника» и «Ускоренная подготовка артиллерийского наступления», а также в брошюре «Немецкий тяжелый танк «Тигр Б» (Королевский тигр) и борьба с ним». Букирев дошел до Праги начальником артиллерии корпуса в звании подполковника. За свой честный ратный труд он был награжден орденами Красного Знамени, Кутузова III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За взятие Берлина», «За взятие Праги», «За победу над Германией».

Остававшиеся в университете сотрудники и студенты были до конца верны данным на памятном митинге 23 июня 1941 г. обещаниям:

- «1. С удвоенной энергией работать каждому из нас на своем участке.*
- 2. Еще выше поднять трудовую, производственную дисциплину, организованность и чувство ответственности, усилить политическую бдительность.*
- 3. Еще больше укрепить оборонную организацию университета — резерв РККА».*

*А. И. Букирев с супругой.
1939 год*

Между тем вся система высшего образования в стране оказалась в тяжелейшем положении: были закрыты 196 вузов, объединены — 87, разрушено врагом — 334, эвакуированы — 147, втрое сократилось финансирование высшей школы. Перестройка вузовской деятельности в военное время началась с приказа наркома просвещения РСФСР от 1 июля. В соответствии с этим приказом университеты поэтапно переводились на трехлетний период подготовки специалистов. Так, для студентов, выполнивших к лету 1941 г. программу четырех курсов, в течение июля — начала августа должен был быть организован комплексный государственный экзамен, при успешной сдаче которого разрешалось выдавать дипломы об окончании университета,

в противном случае — свидетельства об обучении в вузе. Выпуск студентов, поступивших в университет в 1938 г., должен был состояться через три года и восемь месяцев — 1 мая 1942 г. (именно тогда дипломы о высшем образовании получили студенты из первого набора географов, в том числе известные в будущем ученые — Б. А. Чазов, А. С. Шкляев, Л. И. Дубровин), для поступивших в 1939 г. — через три года шесть месяцев — 1 февраля 1943 г., для поступивших в 1940 г. — ровно через три года — 1 июля 1943 г. Начало учебного года переносилось на 1 августа, тем самым сокращалась продолжительность летних каникул, а зимние каникулы отменялись вовсе. Интенсифицировать процесс обучения предполагалось и за счет введения сорокадвухчасовой учебной недели. В скором времени вышел приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы, согласно которому для студентов, работавших на оборонных предприятиях, посещение занятий не было обязательным.

В срочном порядке вносились изменения в учебные планы, учебные группы объединялись в потоки, вводились новые дисциплины, ориентированные на приобретение знаний, умений и навыков, соответствующим потребностям военного времени. Так, на химическом факультете Пермского университета появились курсы «Химия взрывчатых веществ», «Химия отравляющих веществ», «Физико-химические основы противогазового дела», кроме того, в лабораторные практикумы включались работы по индикации отравляющих веществ. Для всех студентов увеличивалось количество занятий по военной подготовке, при этом для мужчин в возрасте до пятидесяти лет, включая преподавателей, военное обучение было обязательным.

Чрезвычайные меры, принятые для ускоренной подготовки выпускников, уже в 1942 г. были отменены: пришло понимание того, что полноценную подготовку специалистов за три года обеспечить невозможно. В соответствии с этим решением в 1943 г. в университете не было выпуска специалистов. С начала 1943 г. восстанавливалось обязательное посещение занятий, а в 1944 г. в график учебного

*Студенты историко-филологического факультета.
1941 год*

процесса вернулись зимние каникулы. Однако в сложной ситуации оказались выпускники 1945 г. — окончившие четыре курса должны были отчитаться за пятилетнюю программу с защитой дипломных работ и сдачей государственного экзамена.

План приема студентов в Пермский университет на 1941 г., установленный накануне войны, составлял 250 человек, по пятьдесят на пять факультетов. К биологическому, геолого-географическому, физико-математическому и химическому факультетам прибавился восстановленный историко-филологический факультет. Независимо от выбора факультета все поступающие в университет согласно типовым правилам приема в вузы сдавали вступительные экзамены по следующим предметам: русский язык (письменное сочинение, грамматика, литература), история народов СССР и Конституция СССР, математика, физика, химия, иностранный язык. Дополнительный экзамен по географии сдавали абитуриенты, поступавшие на геолого-географический и историко-филологический факультеты. От вступительных экзаменов освобождались те, кто окончил десятилетку с аттестатом отличника, а также выпускники рабфаков, средних школ для взрослых и техникумов, получившие отметки «отлично» по всем предметам, за исключением черчения, рисования и физкультуры. На первый курс был принят 231 студент. Недобор был в основном связан с историко-филологическим факультетом, на который поступили 34 человека. Вероятно, это может быть объяснено осознанием молодыми людьми востребованности в условиях военного времени специалистов в области естественных и точных наук. В последующем контингент обучающихся на всех курсах пополнялся эвакуированными студентами.

С 1942 г. отменялись вступительные экзамены для инвалидов войны и тех, кто окончил школу без троек. В том же году в университете были открыты подготовительные курсы, ориентированные преимущественно на лиц, демобилизованных из действующей армии. В следующем году Совнарком СССР освободил от платы за обучение инвалидов войны, иждивенцев рядового и младшего командного

*И. И. Башлыков на занятии со студентами.
1941 год*

состава, детей офицеров, погибших на фронте. Тогда по постановлению Совнаркома СССР от 2 октября 1940 г. плата за обучение в нестоличных вузах составляла 300 рублей в год.

Всего за годы войны Пермский университет выпустил 471 специалиста. Наименьшим был выпуск первого военного набора — всего 53 человека, причем биологический факультет окончили 15 человек, химический и историко-филологический — по 14, геолого-географический — 7, физико-математический — 3.

Организация учебного процесса в военные годы была связана с преодолением огромных трудностей. Весь главный корпус и построенное в конце 1930-х гг. четырехэтажное кирпичное общежитие, самое благоустроенное (ныне в нем размещается администрация Дзержинского района), были переданы для размещения эвакуированного из Москвы Наркомата угольной промышленности. При этом на освобождение зданий отводились сутки.

М. П. Сорокин следующим образом описывает переезд из главного корпуса физического отделения:

«Нашему факультету было предоставлено 5 комнат в химическом корпусе <...>. В первой был оборудован лекционный зал, во второй размещен весь практикум, тре-

тъя комната отдана кафедре теоретической физики, четвертая была предназначена для рентгеновской лаборатории и пятая комната — для научных работников. Перевозка лабораторий <...> производилось силами сотрудников факультета. Самым сложным был перенос рентгеновского оборудования. К тому времени работники кафедры металлофизики и рентгеноструктурного анализа доцент А. Т. Титов и ассистент Ф. П. Бутра ушли на фронт, и на кафедре осталась лишь старший лаборант А. Бояршинова (в 1943 г. она была переведена ассистентом кафедры общей физики). Поэтому для монтажа рентгеновских установок был привлечен ассистент кафедры общей физики Н. А. Кравченко, который вскоре тоже ушел на фронт. Тем не менее, 2 из 3 установок успели смонтировать (третья позже была передана Ростовскому университету после освобождения Ростова от немцев). Эвакуация была проведена в установленный срок».

В тогдашних химическом (ныне корпус № 4) и геолого-географическом (ныне корпус № 3) корпусах выделялись помещения для размещения кафедр Пермского сельскохозяйственного института, здания которого занял военный госпиталь. Бывшее Алафузовское здание (ныне корпус № 5) университет делил также с сельскохозяйственным институтом, а еще и с переехавшим сюда краеведческим музеем. По воспоминаниям профессора И. И. Лапкина, «все коридоры второго этажа этого здания были заставлены чучелами животных и птиц, что создавало невероятную скученность». В распоряжении самого университета оставалось около двадцати небольших аудиторий для групповых занятий и четыре аудитории для поточных лекций.

В плачевном состоянии оказалась университетская библиотека. В течение двух лет преподаватели и студенты практически были лишены возможности пользоваться ее фондами. З. Д. Филиных, директор библиотеки в 1949–1987 гг., с болью вспоминала и то, как, освобождая помещения для Наркомата угольной промышленности, его сотрудники просто выбрасывали книги в окна (положение спасла телеграмма с криком о помощи, направленная председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин), и то, как часть книг была перенесена в физкультурный зал и свалена на пол. Только в 1943 г. оставшиеся три сотрудника библио-

И. И. Лапкин

*Сотрудницы университета —
доноры военной поры*

теки начали расставлять эти книги по стеллажам, выяснив при этом, что многие издания пропали. Часть библиотеки «законсервировали» в главном корпусе, однако «введение пропускной системы исключало возможность студентам и преподавателям пользоваться книгами библиотеки, в то время как сотрудники Наркомата могли свободно входить в хранилище. В то время исчезло много литературы».

Положение с университетскими помещениями несколько улучшилось после того, как Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли 5 мая 1942 г. постановление «О плане приема в вузы в 1942 г. и мероприятиях по укреплению высших учебных заведений», запрещавшее наркоматам, Совнаркомам союзных и автономных республик и местным Советам отчуждать учебные здания, общежития, инвентарь и оборудование вузов, а также мобилизовывать студентов и преподавателей в Красную Армию и на различные работы без разрешения Совнаркома СССР, кроме случаев, предусмотренных Указами Президиума Верховного Совета СССР. Этим же постановлением местные государственные органы обязывались до 15 мая предоставить вузам помещения взамен изъятых у них под нужды эвакуированных организаций и предприятий, военных госпиталей. А где было взять эти помещения, если город принял у себя большое количество подобных объектов? Местные власти вздохнули с некоторым облегчением после того как Наркомат угольной промышленно-

сти вернулся в Москву. Однако университету не пришлось воспользоваться всеми освобожденными помещениями — северное крыло главного корпуса в 1943 г. было передано созданному комбинату «Молотовуголь». Кроме того, многие аудитории в корпусе оказались переоборудованными, поэтому по возможности их пришлось приводить в прежнее состояние.

Между тем, помещения необходимо было как-то отапливать: в первую военную зиму температура в аудиториях не поднималась выше 8–10°C. О том, как проходили занятия в таких условиях, вспоминала профессор М. Н. Кожина, студентка тех лет:

«<...> в университете мы не снимали верхней одежды, писали лекции в перчатках, потому что стыли пальцы, а ректор университета профессор Роман Викторович Мерцлин, человек аристократического вида, ходил в ватнике».

Р. В. Мерцлин

Накануне третьей военной зимы университету удалось заготовить 700 кубометров дров и около 300 тонн угля для котельной, что позволило поддерживать температуру в аудиториях едва ли не на рекордных показателях — 12–14°C. В феврале 1944 г. в университетских корпусах было восстановлено паровое отопление, благодаря чему температура в аудиториях приблизилась к норме.

Всю войну студентам приходилось совмещать учебу с работой: на промышленных предприятиях (с 1943 г. на соседнем с университетом заводе имени Ф. Э. Дзержинского на производстве снарядов было занято около 200 человек), лесозаготовках, прокладке трамвайных линий и расчистке железнодорожных путей, строительстве телефонного завода, в колхозах, госпиталях — всего не перечислить. А студенческий коллектив был в основном девичьим — все юноши воевали, за исключением тех, кто страдал серьезными заболеваниями или имел ограниченные возможности. Распорядок дня для занятых на Дзержинском заводе во вторую смену был следующим: с девяти часов утра до двух часов дня — занятия в университете, а с шести часов вечера и до двух часов ночи — работа на конвейере; для тех, кто трудился в первой половине дня, учебные занятия проводились с восьми часов вечера до полуночи.

О том, в каких условиях трудились на лесозаготовках, можно представить благодаря воспоминаниям Б. М. Чирвинской, преподавателя кафедры зоологии позвоночных:

«Наш курс должен был вывезти дрова в Пермь, погрузив их на баржу. Мы выносили двухметровник из леса на просеку и складывали его в штабеля. Работа тяжелая, восемь часов в сутки подряд, ибо норма была большая, а одеты кто в чем. Некоторые девушки были в лаптях, я в футбольных бут-

сах, у которых оторвали шипы. Несмотря на тяжелый груз, мы работали хорошо, жили дружно и выполняли норму, за что и были премированы на итоговом комсомольском собрании (я — отрезом на юбку)».

Студентки химфака работали в основном по специальности. Вот как об этом вспоминала А. А. Шипунова:

«По технологии, разработанной учеными университета под руководством зав. кафедрой органической химии профессора Д. М. Марко, было организовано производство наркотного эфира на полузаводской установке, размещенной в лаборатории неорганической химии химического корпуса. В летнее время, когда не было учебных занятий, работали в 2 смены, во время учебы — после занятий. Постоянно работали с начала пуска до прекращения производства в основном студентки, живущие в общежитии (Шипунова, Караваева, Туржецкая, Немчинова), чтобы в случае необходимости могли прийти в любое время. Параллельно с производством наркотного эфира на кафедре органической химии в течение 2 месяцев летом 1942 г. производился уротропин. Готовые медикаменты мы разносили на базы, в аптеки, в госпитали».

Студенты проводили и агитационно-разъяснительную работу с населением города, подписывались на государственные займы, отправляли посылки с теплыми вещами, почтовой бумагой и папиросами воевавшим университетским коллегам. Одна из таких посылок дошла до А. И. Букирева, который ответил открыткой со словами: «Мы еще поработаем вместе». Студенты организовали шефство над одним из эвакуогоспиталей в Перми: сдавали кровь, убирали в палатах, выступали с концертами перед ранеными, давали им уроки иностранного языка, в летнее время собирали грибы и ягоды для столовой госпиталя.

Об особенностях студенческого быта той поры А. А. Шипунова рассказывала так:

«С начала войны коренным образом изменились бытовые условия. Особенно трудно жилось в общежитии. Уже с июля 1941 г. была введена карточная система на продукты. Студент получал 400 г хлеба и скудный обед в столовой, состоящий из жиденького супчика, ложки каши и чая без сахара. Жили в общежитиях-бараках. С началом войны централизованное паровое отопление было отключено, в каждой комнате были сложены кирпичные печурки. Топливо подвозили редко, чаще приходилось его искать самим: носили от университетской котельной, со станции Пермь II; подбирали остатки заборов. <...> Несмотря на загруженность, трудности, холод и голод, молодость брала свое: ходили в кино, в театр (особенно любили Ленинградский театр оперы и балета), почти каждую субботу организовывали (хотя и без мальчиков) танцы».

О том, что «молодость брала свое», вспоминала и Б. М. Чирвинская:

«<...> Несмотря на трудности, мы были бодры, веселы: устраивали хорошие вечера, у нас был замечательный драмколлектив. Ставили “Бесприданницу”, “Бориса Годунова”, “Декабристов”. Эти спектакли собирали всех жителей Заимки, приходили преподаватели с семьями. Пользовалась успехом стенгазета со стихами Владимира Радкевича. Мы бегали на спектакли Ленинградского оперного театра, нашими кумирами были Наталья Дудинская, Галина Уланова. Мы жили полноценной жизнью и не страшились трудностей».

Постановлением Совнаркома СССР от 10 февраля 1943 г. «Об улучшении питания студентов вузов» обеспечение студентов продовольственными товарами устанавливалось по нормам рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в связи. 15 сентября 1943 г. Совнарком СССР принял постановление «О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию», в соответствии с которым стипендии стали получать все успевающие студенты (до этого стипендия выплачивалась только тем, кто учился на «хорошо» и «отлично»). Размер стипендии в университетах от первого к пятому курсу возрастал от 140 до 210 рублей, а для студентов, имевших отличные оценки по всем предметам, он увеличивался на 25%. Ослабленным, но учившимся без троек студентам выдавали талоны на «усиленное дополнительное питание» (аббревиатура «УДП» в студенческой среде расшифровывалась как «умрешь днем позже»), предполагавшее ежедневный завтрак и ужин или получение дополнительных 200 г. крупы или хлеба. Между тем, нормы питания далеко не всегда соблюдались из-за перебоев в снабжении продуктами.

В 1943 г. университетом было организовано два подсобных хозяйства — на учебной базе в «Предуралье» и на территории ботанического сада. Продукция из них поступала в столовую, располагавшуюся в подвале геолого-географического корпуса, обслуживавшую и сотрудников, и студентов. С. В. Усть-Качкинцева, дочь тогдашнего декана химического факультета, впоследствии много лет проработавшая преподавателем механико-математического факультета, вспоминала об университетской столовой той поры:

«Очередь шла очень медленно. Из карточек вырезали талоны на хлеб, на макароны, на жиры. Но, все равно, все блюда состояли из капусты, летом свежей, зимой квашеной. Не перестававшие даже в то время шутить люди живо присвоили этим блюдам название “шукрут”. Так называется блюдо из квашеной капусты, популярное в Эльзасе. Но тогда это название расшифровывали так: “широкое употребление капусты работниками умственного труда”. Вставая из-за стола, говорили: “А теперь хорошо бы пообедать”».

В том же году в университете был создан отдел снабжения, в ведение которого перешли столовая и магазин, а также открытые в скором времени пошивочная мастерская, сапожная (по ремонту обуви), баня и прачечная.

Преподаватели встречались со студентами не только в учебных аудиториях и лабораториях, но и на многих хозяйственных работах, за исключением разве что производства снарядов на заводском конвейере. Конечно, состав преподавателей изменился, в том числе гендерный: ассистентские должности во время войны стали женской вотчиной, хотя костяк преподавательского корпуса с учеными степенями сохранился в силу, прежде всего, возрастных показателей. Однако на целом ряде кафедр сложилась катастрофическая ситуация. Так, в 1941 г. на кафедре высшей математики и кафедре геометрии осталось по одному преподавателю — ими были заведующие кафедрами доценты А. А. Темляков и И. В. Цыганков. Вместе с тем академическая мобильность, вызванная эвакуацией, позволила пермским студентам поучиться у многих видных ученых из столичных вузовских и академических центров.

В августе 1941 г. на должность заведующего кафедрой теоретической механики был зачислен член-корреспондент Академии наук В. И. Смирнов, автор пятитомного «Курса высшей математики», правда, уже 16 сентября его перевели в Елабугу. В сентябре 1941 г. на кафедре неорганической химии приступила к работе, эвакуированная из Ленинградского университета, кандидат наук Т. И. Темникова, одна из первых выпускниц нашего университета. Под руководством профессора Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева П. Н. Веприкова был создан заповедник «Предуралье», в феврале 1943 г. он стал первым его директором и научным руководителем. Эвакуированный из блокадного Ленинграда Я. Р. Волин в 1943 г. был назначен заведующим кафедрой марксизма-ленинизма (впоследствии переименованной в кафедру истории КПСС), руководство которой для него продолжалось почти сорок лет. Доцент Ленинградского университета И. М. Меттер возглавил кафедру общей физики, а профессор Московского университета С. А. Яновская — кафедру высшей алгебры. На лекциях Яновской, по воспоминаниям М. А. Ганиной, доцента кафедры русской литературы, а в 1942 г. студентки физмата, можно было освоить и усвоить «хорошие и фундаментальные идеи».

Т. Л. Рубинштейн, студентка историко-филологического факультета, впоследствии заслуженный учитель РСФСР, с благодарностью вспоминала занятия у преподавателей, волей судьбы оказавшихся в Перми:

«Какие профессора нас обучали! Это были ленинградцы, спасенные в блокаду. До сих пор с благоговением помним мы нашего профессора Бориса Павловича Городецкого, известного в стране пушкиниста, лекции которого были не только чудом научного откровения, но и чудом лекторского искусства. Послушать его прибегали студенты всех факультетов. А искрящийся ум, живое трепетное слово Дины Клементьевны Мотольской...».

М. А. Ганиной, перешедшей осенью 1943 г. на историко-филологический факультет, запомнилось и то, что Мотольская рассказывала о современных литературоведческих школах Москвы и Ленинграда, и то, как необычно она проводила экзамен, на котором

«можно было выбрать самому один вопрос, подготовка к которому давала возможность максимально проявить свои знания. Это был важный шаг в литературоведческой подготовке студентов-второкурсников».

Бытовые условия преподавателей едва ли были лучше студенческих, практически все они тоже проживали в общежитиях. Лучшим по сравнению со студентами было продовольственное обеспечение преподавателей, особенно обладавших учеными степенями. Так, согласно приказу Наркомтруда от 9 марта 1942 г. академикам, членам-корреспондентам, заслуженным деятелям науки, лауреатам Сталинской премии продовольственные товары отпускались по списку и нормам, установленным для рабочих и инженерно-технических работников предприятий особого списка, дополнительно им полагались шоколад по 300 граммов, какао или кофе по 500 граммов в месяц; профессорам, докторам наук, доцентам, старшим научным сотрудникам продукты выдавались по карточным нормам, установленным для рабочих, занятых в промышленности, на транспорте и в связи. В городах, где насчитывалось более двухсот работников науки, искусства и литературы, открывались столовые закрытого типа, а в городах, где насчитывалось более пятисот подобных работников, — еще и магазины закрытого типа.

Первоначально сотрудники молотовских вузов были прикреплены к центральному гастроному (угол улиц Ленина и Сибирской), поделенному временными перегородками на несколько магазинов. В одном из этих магазинов отоваривали свои карточки артисты эвакуированного Кировского (Мариинского) театра, в том числе и знаменитые Г. С. Уланова и Н. М. Дудинская. Затем у научных работников появился новый магазин-распределитель (угол улиц Екатерининской и 25-го Октября), которым они пользовались вплоть до отмены карточной системы в 1947 г. С. В. Усть-Качкинцева вспоминала:

«Магазин был поделен на две части: в одной продукты продавались кандидатам, докторам, т. е. высшему эшелону, в другой — всем остальным. Но это разделение не сказывалось на отношениях стоящих в очереди. Обстановка была дружественной, демократичной. А очереди были многочасовые! Часто приходилось подолгу ждать, когда привезут продукты. <...> За несколько лет все перезнакомились. В очередях велись долгие разговоры. В первую очередь о событиях на фронте, о делах научных и преподавании, о книгах и театре. Получалось что-то вроде клуба научных работников, точнее, их жен. Все же в очередях стояли больше женщины. <...> Но в магазине на 25 Октября мы стояли уже в более «сытое» время, в последние военные и послевоенные годы. Снабжение научных работников тогда заметно улучшилось».

Дополнительным подспорьем для сотрудников университета стали индивидуальные огороды: в Балатово, на Балмошной, в Курашине — под картошку, на месте нынешнего главного корпуса — под «благородные» культуры. Так, по свидетельству С. В. Усть-Качкинцевой, ее отец на этом огорожке выращивал помидоры и табак.

Несмотря на трудности военного времени, были повышены должностные оклады вузовских преподавателей: их средняя заработная плата в 1942 г. составляла 621 рубль, в 1943 г. — 755. Правда, увеличился и разрыв в оплате труда разных категорий преподавателей. Так, профессор, доктор наук стал получать 1600 рублей, доцент, кандидат наук — 1200, ректор — 2500. При этом были установлены и дополнительные выплаты за ученые степени.

В летние месяцы 1943 и 1944 г. многим семьям университетских работников становилось чуточку легче, благодаря направлявшемуся стараниями месткома в Троицкий заповедник «500-му — веселому» товарному вагону с детьми в возрасте от трех лет. Прожить, а главное — прокормиться, в сельской местности детям особенно рядовых сотрудников было намного проще, чем в городе. Троицкий заповедник обеспечивал продуктами питания и студентов-биологов, проходивших здесь производственную практику.

Научную деятельность преподавателей в эти годы отличал прикладной характер, нацеленность ее результатов на помощь Родине в борьбе с врагом. Так, на заседании ученого совета университета в сентябре 1941 г. решено было исключить из плана научной работы более половины тем (46 из 75), для того чтобы сосредоточиться на проведении работ, напрямую связанных с потребностями военного времени. Неслучайно советским руководством Молотовский (Пермский) университет рассматривался в качестве одного из вузов, наиболее успешно справившихся с задачами перестройки своей деятельности на военный лад.

*Территория университета в годы
Великой Отечественной войны*

Огромную работу в этом направлении проделали университетские химики — Г. Г. Кобяк, И. И. Лапкин, Д. М. Марко, Р. В. Мерцлин, Т. И. Темникова, В. Ф. Усть-Качинцев По словам профессора И. И. Лапкина,

«самое главное, что нам предстояло сделать, — это в корне перестроить научную работу, временно оставив традиционно научные направления, развиваемые в Пермском университете, и обратить особое внимание на работы, имеющие оборонное значение. Прежде всего, нужно было снабдить все многочисленные госпитали, находящиеся в Перми и области, медицинским эфиром, необходимым для сложных хирургических операций. При кафедре органической химии была построена крупная лабораторная установка, которая получала чистый эфир, полностью обеспечив госпитали необходимым медицинским препаратом. Особенно много поручений было от эва-

куированных в наш город наркоматов угольной и химической промышленности. Так, по заданию наркомата химической промышленности были разработаны образцы безжирового дезинфицирующего мыла, предложены покрытия для парашютов; по заданию наркомата угольной промышленности проводилось изучение ацетилирующего полукоксования. Одной из основных работ того времени было получение высокооктанового топлива. Образец авиационного топлива, предложенный наркомату авиационной промышленности, имел очень высокое октановое число. Кроме того, много работ исследовательского характера выполнялось в университете по поручению партийных и советских учреждений: велись поиски медистых песчаников, был разработан технологический процесс извлечения меди из этого сырья, разработан способ синтеза одного детонатора, расшифрован состав одного из отравляющих веществ и много других работ».

Под руководством Г. Г. Кобяка разрабатывались защитные краски для маскировки боевой техники и военных сооружений. Кафедра физической химии во главе с М. Н. Полукаровым провела серию исследований по применению электрохимического метода обработки металлов с целью предохранения производимого вооружения от ржавчины.

Задания оборонного характера выполняли сотрудники физмата Б. И. Зубарев, И. П. Мерзляков, П. Б. Степанов. Геологи сосредоточились на поисках источников местного минерального сырья для производства строительных материалов. Так, Б. А. Гаврусевич и Н. Д. Палицын составили сводку месторождений известняков СССР, в том числе атлас его месторождений в Молотовской области; Г. А. Максимович провел изыскания флюсовых известняков и формовочных песков для нужд Юго-Камского завода. Университетскими геологами были обнаружены запасы известняков горы Банной, географы помогли пермскому «Сельэнерго» с обоснованием строительства малых гидроэлектростанций на притоках реки Камы, а биологи продолжили разрешать проблемы урожайности, рыбоводства, хозяйственного использования лугов и торфяных болот, не утратившие своей актуальности и в период войны. Преподаватели историко-филологического факультета совместно с кафедрой марксизма-ленинизма проводили большую пропагандистскую работу, разоблачая идеологию и политическую практику фашизма, поддерживая патриотические настроения жителей Молотовской области героическими примерами из истории российского государства.

Исключительную роль в организации деятельности университета военной поры, за исключением периода с апреля 1943 до января 1944 г., (период ректорства С. М. Липатова), сыграл Р. В. Мерцлин, заместивший ушедшего в первый же день войны на фронт ректора А. И. Букирева и передавший этот пост все тому же Букиреву в мае 1946 г. Его «грозные» приказы, издаваемые в стилистике военного времени и касавшиеся то оптимизации учебного процесса, то экономии электроэнергии, то отправки сотрудников и студентов на хозяйственные работы (кстати, в числе первых исполнять эти приказы спешил сам Мерцлин, многим студенткам тех лет запомнилось, как он в марте 1942 г. вместе с ними вырубал вмерзшие в лед бревна на Каме), тяжелые переговоры с чиновниками по поводу университетских помещений, хлопо-

ты по размещению преподавателей, эвакуированных для работы в университет, заботы об организации быта сотрудников и студентов и многое другое — все это помогло университету, сплоченному в единый коллектив, вместе со всей страной выдержать самый страшный экзамен XX столетия. И те, кто воевал, и те, кто трудился в тылу, приближали ставший в их жизни самым главным днем — День Победы.

